

**БАРБАРА
АБЕЛЬ**

**Что отделяет
дружбу**

МАТЕРИНСКИЙ ИНСТИНКТ

от ненависти?

Ток. Национальный бестселлер. Бельгия

Барбара Абель

Материнский инстинкт

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.133.1-31(493)

ББК 84(4Бел)-44

Абель Б.

Материнский инстинкт / Б. Абель — «Эксмо», 2012 — (Ток. Национальный бестселлер. Бельгия)

ISBN 978-5-04-170611-1

Кинопремия Magritte Awards в 8 номинациях за франко-бельгийскую экранизацию этого романа. Ожидается голливудский римейк с Энн Хэтэуэй и Джессикой Честейн. Что отделяет дружбу от ненависти? Иногда лишь садовая изгородь... Тихий пригород, прекрасный таунхаус с великолепными садами. Здесь живут бок о бок две супружеские пары с маленькими сыновьями-одногодками. Крепко дружат и души не чают друг в друге. Пока трагедия не уничтожает гармонию. Погиб малыш Максим. Обезумевшая от горя Тифэн уверена, что в смерти сына виновата ее подруга-соседка, Летиция. Та тоже не может прийти в себя от шока, но считает виновной в случившемся саму мать. Отношения между соседями быстро портятся. И чем дальше заходит их мучительное противостояние, тем больше у Летиции оснований опасаться мести потерявшей сына женщины. Кажется, Тифэн пойдет на все, чтобы бывшая подруга испытала то же бездонное страдание, что и она. А вдруг сумасшедшая соседка захочет сотворить что-то страшное с ее мальчиком, Мило?.. И если раньше ничто не могло разделить соседей, то теперь ничто не может защитить их друг от друга. Единственные друзья, ежедневно навещающие дома каждой пары — это вина, подозрение, паранойя и ненависть... «Жуткая атмосфера, постоянное напряжение, нарастающий саспенс». — L'Echo

УДК 821.133.1-31(493)

ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-04-170611-1

© Абель Б., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Семью годами ранее	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Медицинская карта	19
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Медицинская карта	32
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Барбара Абель

Материнский инстинкт

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Летиции удалось ловко запарковаться между двумя автомобилями. С первого раза. Но от этого настроение у нее не улучшилось.

– Выключи «Нинтендо», Мило, мы приехали, – машинально произнесла она.

Маленький мальчик на заднем сиденье прилип к гаджету.

Молодая женщина вышла из машины, прихватив папку с документами, портфель Мило и две сумки... Третьей руки, чтобы открыть дверь мальчику, у нее не было. Стукнув локтем в стекло, она дала понять, что больше ждать не станет.

– Пошевеливайся, Мило, я и так нагружена, как мул!

– Подожди, мне надо сохраниться!

Летиция стояла в очень неудобной позе, из-за этого дрогнула упаковка с молочным супчиком, и из-за нердивости сына пролилось горячее молоко.

– Мило! – сухо прикрикнула она, потому что удачная парковка, по сути, была единственным, что сегодня прошло без помех. – Или ты сию секунду выйдешь из машины, или я на неделю отберу у тебя игрушку.

– Ладно! – вздохнул он, все еще не отрывая глаз от игровой консоли.

Он съехал с сиденья, поставил ногу на тротуар и вяло вытряхнулся из машины.

– И закрой дверцу, если такая просьба тебя не очень обременит!

– Летиция! – раздался у нее за спиной голос, от которого она застыла на месте. – Мы можем пару секунд поговорить?

Она обернулась. Всего в нескольких метрах от нее стояла Тифэн в костюме для пробежки. Взмыленная, с блестящим от пота лицом, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами. Часто дыша, она дожидалась ответа, но ответа не последовало. Отведя глаза, она подошла к Мило, взъерошила ему волосы и ласково спросила:

– Все нормально, мой милый?

– Здравствуй, тетя Тифэн! – отозвался мальчуган с радостной улыбкой.

Выведенная из себя, Летиция в два прыжка подскочила к ним, решительно взяла сына за руки и заслонила его собой, спрятав за спину.

– Я запрещаю тебе с ним разговаривать, – прошипела она сквозь зубы.

Тифэн молча стерпела этот выпад.

– Летиция, ну пожалуйста, мы можем поговорить?

– Мило, иди в дом! – приказала мальчику мать.

– Мама...

– Я сказала: иди в дом! – потребовала она тоном, не терпящим возражений.

Мило помедлил и, надувшись, побрел к дому. Как только он отошел, Летиция снова повернулась к Тифэн:

– Я тебя предупреждаю, больная на всю голову, если еще раз увижу, что ты вьешься вокруг него, я выцарапаю тебе глаза!

– Послушай, Летиция, если до тебя не доходит, что я никогда не хотела...

– Заткнись! – прошептала Летиция, в ожесточении прикрыв глаза. – Избавь меня от твоих дешевых извинений, я им не верю ни на грош!

– Вот как? Но тогда кому же ты веришь?

Летиция смерила ее ледяным взглядом:

– Я очень хорошо поняла, что ты пытаешься сделать, Тифэн. И я тебя предупреждаю: если еще хоть раз что-нибудь случится с Мило, я обращусь в полицию.

Тифэн, похоже, искренне удивилась. Она вопросительно уставилась на Летицию, соображая, как надо расценивать ее слова. А потом, словно внезапно поняв, что ее ничто не заставит поменять мнение, вздохнула, даже не пытаясь скрыть, какой болью отозвались в ней слова собеседницы:

– Я не знаю, что за параноидальный бред на тебя накатил, но точно знаю, что ты ошибаешься. Пожалуйста, попытайся хоть на чуточку мне поверить. И если не хочешь сделать это для меня, то сделай для Мило. Потому что этим ты его просто медленно уничтожаешь...

При этих словах Летиция насмешливо подняла бровь, и в ее глазах сверкнул жестокий огонек, словно молния чиркнула по грозовому небу.

– Да уж, ты ведь в этом разбираешься... в том, как уничтожить ребенка, – произнесла она почти нежно.

Пощечина прилетела прежде, чем Летиция успела понять, что происходит. Не успела она произнести слово «ребенок», как ладонь Тифэн звонко приземлилась на ее щеку. Скрыть свои чувства она не сумела, и глаза ее вылезли из орбит. Она схватилась рукой за щеку, и ей пришлось бросить на землю все тяжести, что она несла.

– Ты не имеешь права! – вспыхнула Тифэн, еле сдерживая слезы, словно пыталась оправдать свой поступок.

На миг обе женщины застыли друг перед другом, готовые броситься в драку. Возможно, и бросились бы, если бы не раздался громкий крик, положивший конец этому противостоянию, пронизанному ненавистью:

– Летиция!

Из того дома, куда только что вошел Мило, выскочил мужчина, не дав им сойтись. Это был Давид, муж Летиции. Он сразу схватил жену за плечи и загородил ее собой.

– Она только что меня ударила! – взвизгнула она, все еще в шоке от такой агрессии.

– Бывает, что намеки причиняют больше боли, чем пощечины, – пробормотала Тифэн, сама потеряв голову от того оборота, что приняло их противостояние.

Давид бросил на нее жесткий взгляд, подбирая слова, потом угрожающе нацелил в нее палец:

– На этот раз ты зашла слишком далеко, Тифэн! Мы подадим на тебя жалобу.

Тифэн стиснула зубы, с трудом сдерживая шквал кипевших в ней чувств. Чтобы взять их под контроль, понадобилось еще несколько секунд, и она, сдержав рыдания, решительно тряхнула головой:

– Как пожелаешь, Давид. Видишь ли, теперь между нами есть большая разница: мне нечего терять.

* * *

Собрав разбросанные по тротуару сумки и пакеты, Давид увел Летицию в дом и быстро закрыл дверь. Тифэн осталась одна. Ее била крупная дрожь, и ей пришлось подождать еще несколько секунд, прежде чем проделать тот же путь.

Она постояла перед дверью их общего дома, достала из кармана ключи и вошла в свою квартиру.

Семью годами ранее

Глава 1

– Ваше здоровье!

Вверх взметнулись три руки и громко чокнулись – две бокалами шампанского и одна стаканом воды. Взрывы смеха, понимающие взгляды, легкие качания головами и заговорщицкие улыбки... Давид и Сильвэн пили маленькими глотками, и шампанское искрилось в бокалах. Летиция поставила свой стакан, не отпив ни глотка, и погладила заметно округлившийся живот.

– Ты и правда не выпила ни капли алкоголя с самого начала беременности? – спросил Сильвэн.

– Ни капельки! – с гордостью ответила Летиция.

– Моя жена – просто святая, – мягко сказал Давид. – Ты не представляешь, сколько запретов она на себя наложила, чтобы обеспечить нашему сыну наилучшее прибытие в этот мир: никакого алкоголя, соли и жира, минимум сахара. Овощи на пару, фруктов сколько хочешь, никакого красного мяса, побольше рыбы... Йога, плавание, классическая музыка, рано ложиться спать...

Он вздохнул и прибавил:

– С шести месяцев наша жизнь – просто тоска зеленая!

– Я вовсе не святая, а беременная, это разные вещи, – возразила Летиция и в наказание за нездоровые намеки хлопнула мужа по бедру.

– Не считая того, что она мне все уши прожужжала со своими принципами воспитания... Бедный парень! Могу сказать, что тебе будет не очень-то весело.

– Вы что, уже обсуждаете, как будете его воспитывать? – удивился Сильвэн.

– А как же! – очень серьезно заявила Летиция. – Не надо дожидаться, когда проблемы начнутся, чтобы обсудить, как с ними справляться.

– А о чем вы говорите?

– Да о целой куче вещей: что надо быть командой и не возражать друг другу при ребенке; никаких конфет до трех лет, никакой кока-колы до шести и никаких гаджетов до десяти...

Сильвэн удивленно присвистнул.

– Я думаю, надо ему как можно скорее дать понять, что, если жизнь покажется слишком трудной, он всегда сможет прийти к нам!

Давид посмотрел на часы.

– Надо было, наверное, дождаться твоей прекрасной половины, прежде чем чокаться, – сказал он Сильвэну. – А то она может на нас обидеться.

– Нисколько. Она же терпеть не может шампанское, а потом, она не хотела, чтобы мы ее ждали... В последние дни... очень устает.

– И правда... Почему именно шампанское? – спросила Летиция. – Бутылочка вина была бы очень кстати.

Вопрос явно застал Сильвэна врасплох. В поисках веской причины он принялся блеять «ну да», «потому что», «видишь ли...».

– Нет, я все-таки не понимаю, – заметила Летиция, откровенно забавляясь смущением друга.

Это смущение не давало ей покоя, засев, как соринка в глазу: ведь бутылка шампанского, в общем-то, не нуждается в поводе ее распить... Ну, конечно! Ее предлагают, когда хотят сообщить какую-нибудь хорошую новость!

Летиция с подозрением оглядела Сильвэна, почувствовала, что здесь что-то кроется, и подождала подсекать рыбку. И вдруг все поняла.

– Она тоже беременна! – вскрикнула она, вскочив с кресла.

– Чего? – пролепетал Сильвэн, еще больше смущаясь.

– Вы собираетесь родить ребенка? – с сияющей улыбкой крикнул Давид.

– Нет! – забеспокоился Сильвэн. – В общем... На самом деле...

Звонок в дверь спас его от неловкости. Летиция вскочила на ноги и, живот вперед, двинулась в прихожую.

– Мои поздравления! – успела она крикнуть, исчезая за дверью.

– Не говорите ей ничего! – умоляюще прошептал Сильвэн. – Она взяла с меня слово, что я ничего вам не скажу и с этой новостью мы подождем.

Потом испуганно взглянул на Давида:

– Она меня убьет!

Давид рассмеялся, встал с места и обнял друга:

– Добро пожаловать в наш клуб! Какой срок?

– Три месяца.

* * *

Когда Летиция открыла входную дверь, она была так счастлива, что просто сияла.

– Милая моя! – воскликнула она, рассмеявшись. – Наши дети будут расти вместе, это так здорово!

Потом, не дав подруге времени отреагировать, она бросилась ей на шею.

Глава 2

Потом, при воспоминании об этом вечере, первое, что приходило в голову Давиду, было ощущение прекрасного мгновения, невероятное счастье, сквозившее в каждом взгляде, в каждом жесте, в каждом произнесенном слове. Планы на будущее, обещания, смех, ощущение уверенности, что семья выбрала для себя самое лучшее, а у него, бездомного сироты, теперь есть свой порт приписки. Брошенный ребенок, он таскался по приемным семьям, и ему было трудно карабкаться по изрытой и немощенной дороге жизни, где таким хрупким было равновесие между добром и злом. Сто раз он совсем пропадал и сто раз выбирался, а потом попал в руки правосудия, и пришлось все начинать с нуля.

Вернуться к самому началу, к истоку.

Его истоком стала она, Летиция. И ребенок, которого она носила. Их малыш. Сын, которому он даст все, чего сам был лишен, и будет держать за руку, указывая добрый путь. Он говорил «добрый путь», потому что, по его мнению, «правильного пути» не существовало. Это было ложное понятие, мираж, которым увлекают детей, чтобы они стали в строй. Никого не обгонять. Не высовываться. Идти прямо вперед, опустив голову и не глядя по сторонам.

Ну уж нет!

В жизни вообще нет ничего прямого. Она похожа на огромную пересеченную местность, усеянную препятствиями и тропами, которые то и дело поворачивают назад, а еще лабиринтами с ловушками, где прямая дорога просто невозможна.

Какой путь между двумя точками самый короткий?

Тот, который знаешь.

Но, что бы ты ни делал, какие бы вехи ни ставил, в конце пути тебя ожидает все то же.

Так думал Давид, пока не встретил Летицию.

Он поступал, как поступают все: выбрал единственный путь, который ему представился, мост, висящий над пропастью, без указателей, без перил. И без оградительных барьеров, которые могли бы его бережно поддерживать на крутизне, пока он не станет взрослым.

И он сорвался.

Поначалу на какой-то маленькой провинности. В тринадцать лет каннабис, в пятнадцать – кокаин. В юность он стартовал, зашибая деньги на скверном пути в скверной компании. А потом закрутилась адская спираль. Мелкие кражи сменились более серьезными преступлениями: налетами, кражами со взломом, насилием.

Два года он провел в исправительном доме.

А едва оттуда вышел, предпринял первую попытку подняться и снова пойти вперед. Давид хватался за что только мог, да и схватиться было особенно не за что: так, обрывки веревки, которая очень быстро кончилась, да скользкие доски. Территория опасная, на ней ничего не стоит пойти не туда и снова сорваться. На этот раз он сел на четыре года за вооруженное ограбление.

Выходя после второй отсидки, он дал себе слово больше в тюрьму не попадать. Выкабавшись во второй раз, он принялся двигаться шаг за шагом. Поначалу ползком. Побывал посудомойщиком в китайском ресторане, чтобы оплачивать клетушку для прислуги за 300 евро в месяц, без горячей воды и отопления, с туалетом на лестничной площадке и тараканами на стенах. И на тебе самом. Устроился водителем автобуса и поменял жилье на такую же клетушку, но уже просторнее, с горячей водой и отоплением, все так же без туалета, но зато и без тараканов. Постепенно встал на ноги, проверяя равновесие на каждом этапе, шаг за шагом, не торопясь. Так прошло несколько лет.

К двадцати семи годам он работал уборщиком в больнице и арендовал квартиру-студию с ванной комнатой.

Тогда и пересеклись их с Летицией дороги. И случилось это не в его квартире и не в его ванной комнате, а в больнице.

Его путь к точке пересечения начался, скорее всего, на ровном, залитым гудроном шоссе национального значения, которое вилось среди буколических¹ пейзажей с зелеными лужайками, с фруктовыми деревьями, холмами и полями, насколько хватало глаз. Горизонт был чист. Настолько чист, что какой-то грузовик снес на шоссе оба предохранительных ограждения.

Это случилось ночью, в тот самый час, когда ночь покидает воскресенье и ведет свою машину к понедельнику. Как раз за разговорами о вождении и произошла авария. Родители Летиции возвращались домой после дружеской вечеринки; о нет, совсем не поздно, еще не было и полуночи... Они ехали по национальному шоссе. Шел дождь, хотя эта деталь особого значения не имеет... Сама по себе эта история мало чем отличалась от других: просто две машины нашли друг друга не в том месте и не в то время и оказались жертвами ситуации, которую Летиция потом назвала ПГС: Перекресток, Грузовик, Столкновение².

Мать погибла на месте. Машину сильно занесло, и ее выбросило через лобовое стекло прямо на поле. Она скончалась моментально. А отец прожил еще неделю, находясь между жизнью и смертью. Летиция провела эту неделю у его постели и выходила из палаты только, чтобы несколько часов поспать дома и переодеться.

И еще чтобы встретиться с Давидом.

Когда он ее увидел, его словно молнией поразило. Она сидела в коридоре, дожидаясь, когда отца кончат оперировать, и, несмотря на убитое горем лицо, красные от слез глаза и нос, натертый платком, он не смог не заметить, какая она милая и трогательная. Ему сразу захотелось взять ее за руку и помочь преодолеть беду, а может, и разделить с ней путь горя и траура.

Следующие месяцы прошли для Летиции странно. Бездонная боль от потери родителей вступила в беспощадную борьбу с самой радостной из эмоций: с внезапной любовью. В семье она была единственным ребенком и теперь, потеряв семью, осталась совсем одна, хотя где-то у нее были дядюшка и два двоюродных брата, которых она не видела с самого детства. Она ухватила за протянутую руку Давида, как утопающий посреди океана хватается за спасательный круг. Поначалу она не думала о том, куда все это ее приведет. Ее разъедало чувство вины, что в такое время может желать мужчину, которого встретила у смертного одра собственного отца, что думает о нем, вместо того чтобы оплакивать родителей, что постоянно ловит себя на улыбке и мечтах о нем... Она сердилась на него за то, что он все время рядом, что старается отвлечь ее от этой муки, и почти ненавидела за все добро, которое он для нее делал.

Тупик, билет в один конец... Они долго колебались и метались из стороны в сторону, прежде чем приняли решение остаться вместе и хотя бы попытаться пройти вместе кусочек пути.

Спустя десять месяцев они переехали в дом родителей Летиции, в дом ее детства, который она не могла решиться ни продать, ни сдать кому-нибудь. Не могла представить себе, что в доме, с которым связано столько воспоминаний, где сосредоточена история ее семьи, будут жить чужие люди. У нее теперь не было семьи, точно так же, как не было ее у Давида, и оба они решили создать собственную.

В этот старт Давид поверил твердо. Они были на доброй дороге, им ничто не мешало, и вместе они могли преодолеть любые горы: путешествовать рука в руке всегда лучше.

Впервые за долгое время Давид смотрел в будущее с доверием, не забывая, однако, одну простую вещь: что бы ты ни делал, какие бы вехи ни ставил, в конце пути тебя ожидает все то же.

¹ Буколика – в переносном смысле любое пасторально-идиллическое произведение искусства.

² Во французском тексте это звучит как «три СА: un CArrefour, un CAmion, un CArambolage. (Здесь и далее прим. пер.)

Глава 3

Давид и Летиция Брюнелль быстро познакомились с Тифэн и Сильвэном Женью. Они были почти ровесниками, беспечно разменяли третий десяток, жили по соседству, а их садики отделяла друг от друга простая живая изгородь из кустов. Давид очень быстро узнал, что Сильвэн слушает King Crimson, Pink Floyd или Archive, группы, которые ему самому очень нравились. А Летиция буквально спасла Тифэн от катастрофы, когда однажды вечером у той не оказалось оливкового масла. Она одолжила соседке бутылку масла первого холодного отжима, которую Тифэн вернула на следующее утро. Летиция пригласила ее на чашечку кофе, и Тифэн согласилась, положив начало ритуалу, от которого обе не отказались бы ни за что на свете.

Молодые пары несколько месяцев «принюхивались» друг к другу, сначала осторожно, а потом все более открыто и искренне, и в конце концов подружились.

Их дома были похожи друг на друга и экстерьером, и расположением комнат. На улицу выходили два одинаковых белых фасада с деревянными лакированными дверями и широким окном на первом этаже, с двумя окнами поуже на втором и с покатой крышей, украшенной слуховым окошком. Каминные трубы на обеих крышах тоже служили украшением, поскольку их давно уже не использовали по назначению. С тыльной стороны у каждого дома была терраса, к которой вплотную примыкал сад метров двадцати длиной. Сад семьи Брюнелль представлял собой простую лужайку, которую Давид время от времени подстригал. Зато сад семьи Женью был прекрасно распланирован и ухожен хозяйкой. Тифэн, опытный садовод, работала в городском питомнике саженцев. Цветочные клумбы, всяческие ароматические и выющиеся растения, густые кустарники и мелкие кустики в любое время года сияли разными цветами и источали аромат. В глубине сада имелся даже небольшой огород, которым Тифэн, без ложной скромности, очень гордилась.

Прошло несколько месяцев, и обе пары стали поистине неразлучны. И то, что они были соседями, создавало особую атмосферу содружества, которую они очень ценили. Если от тебя до друга несколько минут ходу, то видеться совсем нетрудно и можно вместе проводить вечера за ужином, пропускать стаканчик-другой, хохотать, шутить, что-то обсуждать, слушать музыку, менять мир к лучшему или разыгрывать друг друга...

Когда Летиция и Тифэн забеременели с интервалом в три месяца, всеобщее счастье не имело границ.

* * *

Мило Брюнелль впервые подал голос во вторник после обеда. У его родителей этот крик вызвал бурю эмоций, затопивших их сердца и жизни. На следующий день Тифэн и Сильвэн пришли полюбоваться на новорожденного. Летиция протянула кроху подруге, и та очень бережно его взяла...

— Ой, какой он маленький!

Она осторожно прижала крохотный сверток к животу. Тот, кто удобно устроился в материнской утробе, в ожидании, когда пройдут три месяца опоздания, перевернулся от контакта с Мило, словно ему хотелось пообщаться с будущим другом, который скоро станет ему ближе, чем брат.

Наконец, настал день, когда и Максим Женью появился на свет. Он родился утром, после тринадцати часов тяжелого напряжения. Жгучая боль пронизывала все тело роженицы каждую схватку, и все ее крики были бессильны прекратить страдания, только нараставшие каждую секунду:

– Я больше не могу, сделайте что-нибудь, чтобы это прекратилось, пожалейте меня!

А вслед за криками шли обещания отца, что вот сейчас, что этот крик и эта боль – последние...

Ребенок родился на рассвете. Мать затихла, отец тоже. Теперь они могли перевести дыхание и не сводили с сына взволнованных, полных радости глаз.

День выдался тяжелый. Семьи молодых родителей наперегонки ринулись любоваться на новорожденного: родители, братья, сестры, не считая их собственных жен, мужей и детей. Все толклись вокруг матери, все поздравляли, комментировали, что-то советовали...

Давид и Летиция скромно осведомились по телефону, как себя чувствует Тифэн, и выразить свое восхищение пришли к ней только на следующий день.

Они повели себя как настоящие друзья.

Ведь они только что через все это прошли сами. В тот же вечер, когда обе мамы возились с детьми, одна еще в послеродовом отделении, другая дома, Давид потащил Сильвэна сделать круг почета по местным барам. Сначала они чокнулись за Максима, потом за Мило, за жен, за дружбу и за будущее и, если уж на то пошло, за весь мир. За то прекрасное время, которое наступит у молодых отцов, в чем оба ни на секунду не сомневались... Они много и долго пили и много разговаривали.

Что это было: алкоголь, усталость, переполненность эмоциями?.. Захмелевший от всего понемногу, Сильвэн принялся изливать душу и открыл Давиду очень многое из того, что его волновало. Он изложил свои взгляды на взаимоотношения двоих, на семью, на воспитание детей, на то, как они будут растить Максима, причем главную роль в этом, конечно же, отводил себе, отцу. Он будет настоящим отцом, внимательным, понимающим, доброжелательным, как его собственный отец, который всегда был рядом, но ворчал по всякому поводу: ему не нравились приятели Сильвэна, шум, музыка, фастфуд, компьютерные игры... В общем, жизнь! Пожилые все такие! Ничего не могут пропустить, не покритиковав. Потому что у них все осталось в прошлом. В их времени.

– Их время было как наше, только уж больно занудное! – проговорил он заплетающимся языком.

– А теперь вы с отцом лучше друг друга понимаете? – спросил Давид, для которого это была болезненная тема.

Он помнил своих родителей и часто думал о них, особенно после рождения Мило, поняв, насколько дети хрупки, уязвимы и беззащитны.

Был один вопрос, который он еще в детстве себе задавал, и теперь, когда он сам стал отцом, этот вопрос мучил его все чаще: как же можно бросить своего ребенка?

Сильвэн ничего не знал о мучениях друга, а потому только пожал плечами. Глаза его уже с трудом могли остановиться на каком-то одном предмете.

– Я навсегда распрощался с попытками достичь понимания отца, а он – с попытками заставить меня добиться совершенства. Мы оба устроили свои дела, как смогли. И ни один об этом не пожалел.

Давид задумчиво покачал головой. Он принял этот вызов, собрался стать лучшим из отцов, хотя, в отличие от Сильвэна, у него не было возможности сравнения.

На секунду оба замолчали. Давид сообразил, что они, наверное, погрузились в мысли не самые веселые, и сменил тему:

– А как вы с Тифэн познакомились? Вы всегда держали это в тайне...

Вопрос застал Сильвэна врасплох. Несколько секунд он вопросительно смотрел на Давида, словно тот проявил непристойное любопытство.

– Это грязная история, – пробормотал он.

– Что?

Давид решил, что ослышался. Удивленный и в то же время заинтригованный, он рассмеялся и уставился на Сильвена, силясь понять, не шутит ли его приятель.

Сильвен мрачно вертел в пальцах бокал, так сосредоточенно и пристально глядя на пурпурную жидкость, словно перед ним открылась какая-то драма.

– Проехали, – проворчал он наконец.

Давид не стал настаивать. С одной стороны, такой странный ответ возбудил в нем жгучее любопытство, а с другой – между ним и другом повисла неловкость, и он предпочел промолчать. Выпитый алкоголь словно растянул время и создал этот зыбкий фон неловкости и непонимания. Сильвен не двигался. Все больше чувствуя себя не в своей тарелке, Давид взглянул на часы:

– Три часа! Лучше бы нам вернуться домой...

Он поднялся со стула, покачнулся и ухватился рукой за спинку, где висела его куртка. Сняв куртку со стула, он попытался ее натянуть.

– Это случилось пять лет назад, – пробормотал Сильвен, все так же не двигаясь. – В то время Тифэн была фармацевтом.

– Ну?

Давид застыл в замешательстве. Сильвен поднял на него глаза, в которых стояли тоска и боль. Губы его были плотно сжаты, челюсти сведены.

Давид медленно опустился на стул.

Глава 4

– Моего лучшего друга звали Стефан. Стефан Лежандр. Мы знали друг друга с детства, практически вместе выросли, почти как два брата. У нас была дружба на всю жизнь. Стефан блестяще окончил медицинский факультет и стал врачом общей практики. Он был очень в себе уверен и хорош собой, считал себя выше других и не привык ни в чем сомневаться, особенно в собственной неотразимости... Дурак! Но этот дурак был моим другом. Однажды вечером он мне позвонил в полной панике. За три дня до того он прописал одной из своих пациенток лекарство, которое и по составу, и по дозировке было противопоказано беременным. А она была на третьем месяце. Он забыл задать ей вопрос о беременности, а она действовала по логике слепого доверия: если доктор прописал это лекарство, значит, его надо принимать. В результате через два дня она потеряла ребенка. Ее гинеколог сразу понял, что между выкидышем и лекарством существует связь, и позвонил Стефану. Тот запаниковал и стал отрицать, что прописал такую дозировку, и твердить, что дозировка, которую он указал, была неопасна для плода. Тон разговора накалялся, посыпались угрозы: заявление в полицию, возмещение ущерба и все такое прочее. Стефан вдруг резко положил трубку, и я понял, что он очень растерян, на грани паники. Наверное, он уже чувствовал себя виновным в тяжком служебном преступлении и прикидывал, каков будет приговор и санкции: с него могли потребовать крупную сумму возмещения ущерба, могли отстранить от медицинской практики или даже посадить в тюрьму...

На несколько секунд Сильвэн замолчал, кусая себе нижнюю губу, потом продолжил:

– Он объяснил мне, что единственное, что ему могут инкриминировать, это рецепт. И я, как дурак, спросил: «Что же, значит, нет рецепта – нет доказательства?» Он подтвердил. Все очень просто. Рецепт достаточно изъять и заменить на другой, с другой дозировкой. Достаточно... Легче сказать, чем сделать! А копия? Стефан меня заверил, что это он возьмет на себя. По адресу пациентки я определил те аптеки, где она могла купить лекарство. Их оказалось две. Сначала я отправился в ту, что располагалась возле самого ее дома. Что мне надо там сделать, я себе не представлял, но время поджимало. Если уж этот проклятый рецепт и есть единственное доказательство вины Стефана, то можно поспорить, что на него и дальше будет все завязано. А может, уже поздно что-либо предпринимать. И я решил просто импровизировать. Стоя в очереди, я наблюдал за аптекаршей, отмечая каждый ее жест, каждое действие. Вот она берет протянутый ей рецепт у клиента, стоящего передо мной, дает ему лекарство и прячет рецепт в ящик. Подошла моя очередь. Я придумал, что у меня болит горло, и спросил, что бы она мне посоветовала. Она посоветовала сходить к врачу, а я разозлился и высказал ей в лицо все, что думаю о врачах: «Все они шарлатаны, вы приходите с болью в горле, а они обнаруживают у вас рак простаты!» Она в ответ рассмеялась, и я заметил, что она очень хорошенькая, когда смеется... Она дала мне спрей от ангины, я расплатился и ушел.

Сильвэн вздохнул, повел плечами и продолжал:

– Приближался час закрытия аптеки... Я пошел ва-банк и вернулся, сказав при этом аптекарше, что горло уже гораздо лучше, но теперь меня мучает желание пригласить ее выпить аперитив в ближайшем баре. Она заколебалась и пыталась отшутиться, но я сказал: «Только аперитив». Тогда она посоветовала мне на аперитив пригласить кого-нибудь из друзей. Я рассердился и высказал ей в лицо все, что думаю о своих приятелях: «Все они прохиндеи, их угощаешь аперитивом, а они напрашиваются на ужин». Она снова рассмеялась, и я опять подумал, что она очень хороша, когда смеется.

Снова молчание. Сожаление... А может, угрызения совести?

Давид спросил, что было дальше:

– Тебе удалось вытащить рецепт?

Сильвэн кивнул:

– Удалось. Пока она переодевалась и забирала вещи в подсобке. Перед тем как туда отправиться, она сказала, что вернется через минуту. Я даже подумать не успел, как оказался за стойкой и принялся рыться в ящике. Все произошло очень быстро. Я помнил про минуту и считал до шестидесяти. На счете «шестидесят» я решил сдаться: было слишком рискованно. И потом, разве я мог быть уверен, что это та самая аптека? Однако шанс у меня оставался, и удача мне улыбнулась. Я быстро нашел рецепт: они были разложены по датам, и я сразу узнал почерк Стефана. С собой у меня был другой, с новой дозировкой, который он заново выписал. У меня еще хватило присутствия духа положить его на место в ящик, стоявший на стойке возле кассы. Я сразу привел все в порядок, и меня никто не увидел и не услышал... Тем временем Стефан отправился к пациентке, чтобы навестить ее, поговорить и попытаться понять, что же все-таки произошло... И подменить копию рецепта. Бедная женщина была так растеряна, что мало что понимала. Он устроил целый спектакль, и она попала в эти сети. Когда Стефан вышел из ее дома, никаких улик против него не существовало.

– А потом?

Сильвэн снова помолчал. Чувствовалось, что на душе у него тяжело, а слова, которые он произносит, хоть и касаются события пятилетней давности, все так же опустошительны, как сильный яд.

– За серьезную профессиональную провинность осудили аптекаршу. Рецепт снимал вину со Стефана, но получалось, что это она продала пациентке лекарство, не соответствующее рецепту по дозировке. Проблема заключалась еще в том, что я продолжал с ней видеться. Она нравилась мне все больше и больше, и я влюбился. Влюбился по-настоящему. Меня затянуло в какой-то дьявольский вихрь. Поначалу я даже не задумывался о последствиях, к которым может привести мой поступок. Но когда я понял, в какую скверную историю ее втянул, то попытался убедить Стефана взять ответственность на себя. Как следовало ожидать, этот негодяй не пожелал портить себе репутацию. Я пригрозил ему, что все расскажу, и клянусь, мне было наплевать, что тоже окажусь замешан в этом деле. Я был готов заплатить. Но знал, что в этом случае ее потерю, а для меня было бы невыносимо потерять женщину своей жизни. И с течением времени все меньше становилась возможность все ей рассказать.

Сильвэн умолк, задышавшись от нахлынувших чувств, которые вызвал к жизни и увеличил выпитый алкоголь.

– Так что все-таки произошло? – тихо спросил Давид, положив руку на плечо друга.

Прошло несколько секунд, прежде чем Сильвэн смог ответить:

– Я же тебе сказал: ее осудили за профессиональную оплошность, заставили выплатить сумму ущерба пациентке и лишили лицензии. Фактически она потеряла все.

– А ты? Ты-то что сделал?

– Я остался с ней и помог ей справиться с этим испытанием. Я одолжил ей денег на оплату ущерба, а потом отказался от возврата долга. Мы поженились, она окончила курсы садоводов, прошло время, карьера у нее пошла в гору, мы переехали в другой город и обосновались здесь. Хуже всего то, что она мне безгранично благодарна. Иногда она говорит, что вся эта история с судебным процессом, хотя и была достаточно жесткой и она так и не поняла, что произошло, привела к тому, что ее теперешняя жизнь нравится ей гораздо больше, чем та, прежняя...

Голос Сильвэна прервался, он старался побороть рыдания, которые сжимали горло.

– Ясно одно: я перед ней в долгу, – сказал он, справившись с эмоциями. – И вряд ли когда-нибудь смогу его оплатить. Что бы я ни делал. Она может просить о чем угодно. Абсолютно обо всем.

Давид грустно улыбнулся.

– А твой приятель Стефан? – спросил он.

Сильвэн покачал головой и ответил:

– Он окончательно сжег все мосты. Судьба каждого из нас в руках другого. Он может разрушить мою жизнь, я могу уничтожить его. Теперь мы стали роком друг для друга.

– А Тифэн? Она так ничего и не узнала?

– Если мы до сих пор вместе, значит, не узнала.

– И ты совершенно искренне считаешь, что она бросит тебя, если узнает?

Сильвэн пристально посмотрел на Давида измученными глазами:

– Я уверен, что она меня бросит, запретит видеться с сыном и остаток своей жизни посвятит тому, чтобы разрушить мою.

Давид поморщился, давая понять, что страхи друга преувеличены. А Сильвэн тут же отреагировал на гримасу, и тон его был тверд и безжалостен:

– А как бы ты поступил на моем месте?

Вместо ответа Давид попытался составить в уме общую картину услышанного, но достаточно быстро пришел к тем же выводам, вернее, то же самое подумал о последствиях. Сильвэна его молчаливое согласие повергло в глубокое отчаяние.

На этот раз надолго замолчали оба.

Если рассказ друга вышиб весь хмель из головы Давида, то Сильвэн, наоборот, все больше пьянел. Давид это понял и решил, что вечеру ужасающих признаний пора положить конец. Он встал и, обогнув столик, взял друга за талию, обнял за плечи и повел к машине.

Едва они уселись и пристегнули ремни, он все-таки нарушил молчание, не сумев скрыть горечи:

– Почему ты мне все это рассказал?

Сильвэн пожал плечами, словно вся эта история его не касалась.

– Может, чтобы рискнуть попросить кого-то другого рассказать ей все... Я сам уже пытался, но не смог.

Давид раздраженно хмыкнул, вставил ключ в зажигание и повернулся к Сильвэну:

– Извини, старик, но не надо рассчитывать на меня в этой истории. Если хочешь, чтобы она узнала, ты должен сам ей все рассказать!

* * *

На следующий день после этой странной вечеринки, где счастье граничило с драмой, Давид выходил из дома, чтобы отправиться на работу. На пороге его окликнул Сильвэн:

– У тебя найдется минутка для чашечки кофе?

Давид поколебался, взглянул на часы, но зашел в дом к соседу. Разговор сразу зашел о вчерашнем вечере.

– Я должен извиниться за вчерашнее, – начал Сильвэн. – Я... я был пьян и не рассчитал, до каких границ имею право посвятить тебя в эту скверную историю...

– Забей, – успокоил его Давид с понимающей улыбкой. – Мы оба вчера перехватили, а когда перехватишь, то дуреешь.

– И не только когда перехватишь, – тихо пробормотал Сильвэн.

Давид снова улыбнулся.

– Что касается того, что я тебе сказал в машине... – начал Сильвэн, на этот раз громко. – Пожалуйста... Не бери в голову.

– Ты о чем?

– Обещай, что никогда ей ничего не расскажешь! Все должно остаться между нами. Я и сам не знаю, зачем тебе это рассказал. Несомненно, и рождение Максима, и алкоголь всколыхнули эту историю, мне просто надо было выговориться... Я всю ночь не спал и...

– Я же сказал, – перебил его Давид, – что не собираюсь вмешиваться в эту историю. Ведь мы друзья, правда?

Сильвэн не выдержал и усмехнулся:

– Ну да, когда я в последний раз обзавелся другом, это плохо кончилось...

– Послушай, Сильвэн. Я бы и правда предпочел ничего не знать. Но дело сделано. И давай не будем больше об этом, договорились?

Сильвэн покачал головой:

– А Летиция?

– Что Летиция?

– Ты ей...

– Да конечно же, нет!

– Спасибо.

Медицинская карта

6–7 месяцев

Когда ваш ребенок начал перекладывать игрушку из руки в руку?

В 4,5 месяца.

С какого возраста ваш ребенок пытается сесть с вашей помощью?

С 5 месяцев.

Поворачивает ли он голову, чтобы определить, откуда раздается звук?

Да.

Когда дети устают, они это показывают. Каковы признаки усталости у вашего ребенка?

М. беспокоится и плачет по малейшему поводу.

Первые дни в яслях, 6 месяцев. Небольшой насморк, легкий кашель, по пять редких покашливаний.

Отметки врача:

Вес: 9 кг 580 г. Рост: 74,5 см.

Стоматомикоз: рекомендуется «Дактарин-гель» 4 раза в день после еды.

Легкий насморк: повыше поднимать голову в кроватке, промывать нос детским назальным спреем «Физиомер», детский «Називин» по 1 капле в каждую ноздрю по 3 раза в день, максимум 5 дней.

Глава 5

В следующие месяцы они говорили только о детях. Матери делились друг с другом бедами, сомнениями и радостями...

– У него покраснела попка, и он всю ночь плакал. Как думаешь, может, отвезти к педиатру?

– А температура есть?

– Тридцать семь и шесть.

– Можешь быть уверена: у него лезут зубы.

А отцы поддерживали друг друга в тяжком испытании одиночеством и вынужденным воздержанием.

– Может, сходим сегодня вечером к Симону, поиграем в бильярд? Как ты на это смотришь?

– Ты еще спрашиваешь? Я зайду за тобой часов в восемь?

– Идет!

Они курсировали из дома в дом, чтобы занести соску или пюре, чтобы выпить аперитива, поделиться новостями и пожаловаться друг другу, что ночи стали такие короткие. Они выручали друг друга то подгузниками, то медицинскими свечками, подменяли друг друга, если кому-то надо было уйти из дома, а иногда (неслыханная роскошь!) устраивали короткие сienes. Жизнь обрела жесткий ритм, где ежедневное восхищенное изумление сменялось сожалением о былой свободе.

Когда Мило исполнился год, Давид и Летиция вдруг ни с того ни с сего заявили:

– Мило надо обязательно крестить.

– Вы что, католики? – удивился Сильвэн.

– Я католичка, а Давид – нет, – призналась Летиция.

Сильвэн перевел удивленный взгляд на жену, но та только пожала плечами и подняла глаза к небу.

– Дело в том, что у нас нет семей, ни у меня, ни у Давида, – объяснила Летиция. – Я уже давно не была в церкви и за последние годы совсем отошла от религии. Но...

Она запнулась и вздохнула.

– Я не хочу никому ничего навязывать, и прежде всего религиозные убеждения, – смущенно продолжила она. – Но я знаю, что мои родители были бы рады, если бы их внук был крещен. Их уже нет с нами, но я хочу с уважением отнестись к их желанию. Мы с Давидом много об этом говорили, и...

– Это хорошо! – воскликнула Тифэн. – Тебе не в чем оправдываться. Если хочешь крестить своего сына, так крести! Не вижу, в чем проблема.

Летиция с признательностью взглянула на подругу:

– Я... Ты... А ты крещеная?

– Нет, а что?

Ответ Тифэн, похоже, разочаровал Летицию.

– А... если я тебя попрошу креститься, ты крестишься?

– Нет, конечно! – вскричала Тифэн. – Я абсолютно не верю в Бога! А почему ты спрашиваешь?

Тут вмешался Давид:

– Ты все преувеличиваешь, Летиция... Перестань.

На несколько секунд наступило смущенное молчание.

– Да что происходит? – заволновался Сильвэн. – В чем все-таки проблема?

– Кажется, я поняла... – прошептала Тифэн, глядя на подругу.

Та выдержала взгляд с такой надеждой, что у Тифэн перехватило дыхание.

– Кто-нибудь может мне объяснить? – не унимался Сильвэн, который все не мог понять, из-за чего столько волнений.

Тифэн вздохнула.

– Ладно, я согласна, – сказала она, не спуская глаз с Летиции.

Лицо Летиции сразу озарилось, она радостно вскрикнула и повисла на шее у подруги. Сильвэн повернулся к Давиду:

– Ты что-нибудь понимаешь? Раз уж на то пошло, объясни мне как следует!

– Твоя жена хочет стать крестной матерью Мило, – сказал Давид извиняющимся тоном. – Но проблема в том, что для этого она сама должна креститься.

Глава 6

Только на следующий день Тифэн до конца поняла, на что согласилась.

– Полтора года! Ты что, шутишь?

– Я понимаю, – успокоила ее Летиция. – Кажется, что это очень долго, но на самом деле это не отнимет у тебя много времени...

– Летиция! Я очень тебя люблю, и только Бог знает, насколько я дорожу возможностью стать крестной матерью Мило. Но не требуй от меня изучать основы вероучения и прочие столь же тоскливые вещи! Полтора года духовной подготовки, чтобы тебе на голову вылили несколько капель воды...

– И вовсе не несколько капель! – воскликнула Летиция с обезоруживающей наивностью. – Взрослые окунаются целиком.

– Тем более! Нет уж, это выше моих сил. В любом случае я ведь все равно ни в какое крещение не верю!

Летиция помолчала.

– Этот случай я предусмотрела, – вздохнула она. – Вчера, после того как ты согласилась, я осведомилась, что надо сделать, чтобы креститься самой, и обнаружила, что это огромная процедура: состоять на положении новообращенного, пройти разные этапы литургической христианской инициации... Но я надеюсь, что ты не изменишь своего решения. Тебе не надо обязательно проходить обряд крещения, если крестный христианин. Ты все равно станешь крестной матерью, мы просто, чтобы быть полностью честными, организуем и гражданское крещение.

– И что это изменит?

– Для нас – ничего.

– Но тогда в чем проблема?

– Тогда ее просто нет.

Тифэн удовлетворенно кивнула. Потом, словно желая полностью ознакомиться с вопросом крещения, она спросила:

– А кто крестный?

– Эрнест.

Сказать по правде, Тифэн не удивилась, услышав это имя. Скорее, удивилась, что сразу не подумала о нем: Эрнест был куратором Давида, который наблюдал за ним после выхода из тюрьмы и очень помог ему в период адаптации. Резкое, точеное лицо этого шестидесятипятилетнего человека словно вырубил сама жизнь, а непокорный характер был так же тверд, как и его выговор. Он курил, как паровоз, ругался, как извозчик, ни перед кем спину не гнул и свое мнение всегда выражал напрямую, в лоб. В самом начале карьеры один из его «клиентов» взял его в заложники, и он получил в упор пулю в большую берцовую кость. Ранение сделало его инвалидом, и потому к своим подопечным он относился сурово и бескомпромиссно. Его непреклонность пошла на пользу Давиду, послужив защитным барьером: больше парень не брался ни за наркоту, ни за преступные выходки.

Давид очень многим был ему обязан.

С годами их взаимоотношения, построенные на взаимном доверии и уважении, стали дружескими. В глазах Давида Эрнест стал воплощением всего, что составляло образ отца. У старика тоже никого не было: ни жены, ни детей. Он жил один в квартире-студии, которую снимал в 20-м округе Парижа, и оберегал свое одиночество как зеницу ока.

Тифэн была заинтригована и потому спросила:

– А Эрнест крещеный?

Летиция кивнула.

Тифэн скорчила гримаску:

– Вот уж никогда бы не подумала.

* * *

Обряд крещения состоялся через три месяца. Церемония прошла просто и скромно. Кроме Давида и Летиции присутствовали всего трое: Тифэн, Сильвэн и, само собой, Эрнест, крестный отец. По такому случаю он словно вернулся на тридцать лет назад, что совершенно не соответствовало его нынешней манере одеваться. На нем был костюм-тройка, который он, наверное, последний раз надевал бог знает когда. Само собой, размер Эрнеста был уже не тот, и он оказался похож на ряженого в последний день карнавала. В костюме, который был ему тесен, он двигался неуклюже и очень смешно, что не вязалось с торжественностью момента. Он смущался и чувствовал себя не в своей тарелке.

И все-таки желание Давида, чтобы он стал крестным отцом для его сына, тронуло старого закоренелого холостяка.

– Знаешь, детишки – это не для меня, – заметил он, когда Давид сообщил ему о своих планах. – Все эти пеленки, соски, гули-гули... Не умею я этого...

– Вот и будет случай научиться...

Старик тихо покачал головой и запросил несколько дней на размышление. Две следующие недели он не подавал никаких признаков жизни. А потом, в среду после полудня, он вдруг постучал к Брюнелям с бутылкой вина в одной руке и с плюшевым мишкой в другой.

– Я согласен! – заявил он с таким видом, словно решил на какую-то опасную миссию. – Но предупреждаю: не рассчитывайте, что я стану гулять с ним в парке, нянчиться или читать ему глупые истории, которые обычно рассказывают детям. Я уже не в том возрасте, чтобы заниматься такой ерундой!

Ничего, новый статус крестного отца заставил его по-новому взглянуть на мальчика. Он и сам не заметил, как стал заходить к Брюнелям все чаще, и, помимо воли, все больше проявлял привязанности и заботы к Мило. И в тот день, когда мальчуган молча протянул ему книжку «Шупи на ферме», старик и не подумал его ругать: он взял книгу и помог Мило забраться к нему на колени. А потом своим хриплым басом стал читать ему глуповатую историю, даже не пытаясь скрыть удовольствие, какое ему доставляло делить с крестником простоту и теплоту момента.

* * *

Голос священника гулко отдавался в церкви, где на стульях для прихожан, расставленных в двадцать рядов, сидели только Тифэн и Сильвэн. А прямо перед алтарем Давид и Летиция стояли возле Эрнеста, держащего на руках Мило.

– Теперь я обращаюсь к вам, родители и крестный отец. Через таинство крещения дитя, которое вы привели сюда, милостию и любовью Божьей обретет новую жизнь: он заново будет рожден водой и Святым Духом. В этой жизни, данной Богом, ему встретится множество препятствий. Чтобы побороть грех и утвердиться в вере, ему будет нужна ваша помощь. И если вы пришли сюда по вере и берете на себя ответственность помогать ему, я призываю вас, напомним о вашем крещении, отречься от грехов и заявить о вере в Иисуса Христа.

Дальше по протоколу следовал диалог между священником, родителями и крестным отцом, которые в один голос отреклись от грехов, от зла и Сатаны, а затем подтвердили свою веру в Бога-отца, Христа и Святого Духа, в отпущение грехов, в воскресение плоти и в вечную жизнь.

И Мило, наконец, крестили, правда, тут не обошлось без сопротивления: в церкви не топили и вода была холодная.

* * *

Гражданское крещение было не такое торжественное. На следующей неделе все отправились в мэрию. Там только что закончились церемонии бракосочетания, и их провели к мэру, который торопился на обед. Как и Эрнест до нее, Тифэн тоже оделась согласно обстоятельствам, но, в отличие от него, пребывала в состоянии полного восторга. Кроме родителей, крестной матери, Сильвэна, Максима в колясочке и Эрнеста присутствовали служащий, ведающий актами гражданского состояния, и, разумеется, сам мэр, которому предстояло осуществить акт гражданского крещения.

Мэр упомянул множество обязанностей. Взять ребенка под свою защиту и проследить, чтобы он получил необходимое образование, не зависящее от социального положения и не навязывающее то или иное светское и религиозное мировоззрение. Его должно вырастить в уважении к институтам демократии, развить в нем моральные и человеческие качества, необходимые гражданину, который предан общественному благу и защите свободы и преисполнен чувствами взаимопонимания, братства и солидарности по отношению к себе подобным.

Тифэн подошла к этим обязательствам с такой серьезностью, что сама удивилась. Вообще-то, и умом, и сердцем она воспринимала эту церемонию как совершенно лишнюю. С самого первого крика Мило она уже и так стала его крестной матерью, и никакая официальная бумага не изменит ничего в том, что уже совершилось. Однако, вслушиваясь в слова мэра и проникаясь торжественностью момента, она очень разволновалась. И когда она подписывала акт о гражданском крестном поручительстве, рука у нее дрожала.

* * *

За столом Максим, которому уже было три с половиной года, попросил гранатового сиропа.

Тифэн поправила его:

– А волшебное слово?

– Пожалуйста.

Наливая ему в стакан сироп, мама объясняла:

– Вот теперь я могу тебе налить сиропа с удовольствием.

– И с водичкой! – уточнил Максим.

Глава 7

Воскресенье – день, который обычно посвящают семье. Некоторые воспринимают семейный обед как обязанность, от которой не уйдешь, как бы ни хотелось, и самоотверженно сохраняют этот обычай. Чтобы доставить удовольствие родителям. Ведь так заведено, и без этого не получится всем повидаться. Правда, едва пробьет четыре часа, все начинают собираться домой, потому что завтра ребенку в школу, и должны же все понимать, что надо еще повторить уроки...

Зачем люди хотят увидеться? А главное, почему именно по воскресеньям? Они не знают, о чем друг с другом разговаривать, у них ни в чем нет согласия, у каждого свой выбор и свое мнение. Тогда зачем они навязывают себе эти воскресные встречи?

Этот неприятный вопрос они неизбежно задают друг другу на обратном пути, сдабривая его замечаниями по поводу наряда невестки, подозрительными репликами в адрес племянника-подростка, который явно катится по наклонной. А мама стала совсем плохо слышать, и нельзя точно сказать, можно ли тут что-то сделать. А вот соль вредна для здоровья, и ей следовало бы есть пресную пищу, чтобы сохранить сосуды!

И мы вздыхаем, ворчим, иногда даже ссоримся...

Возвращение на машине с воскресного обеда у родственников – сплошная ругань и нервоотрепка до самого вечера, которая обычно заканчивается обещанием, что это последний раз и на следующей неделе меня от этого увольте!

Но в следующее воскресенье все повторяется.

Так уж заведено.

Но есть и такие, у кого нет родственников, по крайней мере во Франции или в Наварре³. Они сидят дома и занимаются тем, что сами придумают: играют в пятнашки, рисуют или просто шалопайничают, кому что нравится. А может, смотрят мультики, где диалоги уже давно выучены наизусть, потому что по воскресеньям крутят одно и то же. Сначала все вроде бы смешно, а под конец ужасно надоедает, даже если Губка Боб и говорит смешным дурацким голосом.

Можно подумать, что воскресенья изобрели для того, чтобы супружеские пары могли наругаться вдоволь. Разумеется, пары, у которых есть дети. А раньше, когда детей у них не было, воскресенье было «диванным днем». Просыпались в полдень, завтракали в час дня, потом возвращались в постель, чтобы заняться сексом. А дальше – как получится. В зависимости от погоды. Прогулка или сидение на террасе в солнечный день, просмотр DVD в дождливый.

Но все это было раньше.

Теперь об этом даже не думается.

Может, именно поэтому по воскресеньям, около пяти часов, Тифэн и Сильвэн появлялись у Давида и Летиции с перекошенными лицами и неостывшей ссорой за плечами. Брюнели принимали соседей с облегчением, потому что целое воскресенье нянчиться с детьми, строить с ними игрушечные замки или играть в «Катакастор»⁴, особенно если одному это нравится, а другому нет, в конце концов, ведет к раздорам. Маленькие и большие сходились вместе, чтобы положить конец длинному дню пассивных занятий, нетерпеливых взглядов на часы, которые, казалось, стоят на месте, и вместе насладиться поздним ужином, предварительно выпив по глоточку аперитива.

³ Наварра – историческая область, чья территория находится в составе нынешних Франции и Испании.

⁴ «Катакастор» – настольная игра в строительство бобровой плотины.

Поскольку в это воскресенье погода стояла хорошая, все устроились на террасе у Брюнелей, чтобы сбросить дневное напряжение.

– В следующую субботу мы устраиваем маленькую пирушку по случаю дня рождения Мило, – сказала Летиция, доставая стаканы из буфета. – У вас на этот день нет планов?

– Уже в следующую субботу! – поразилась Тифэн. – Четыре года... как быстро они пролетели! Сильвэн, у нас есть планы?

– Я думаю, никаких, – пробормотал он, не глядя на жену, и ретировался на террасу.

– Что, опять в машине поссорились? – тихо спросила Летиция, ища что-то в кухонных ящиках.

Тифэн вздохнула и подняла глаза к небу:

– Пфффф... В следующее воскресенье меня здесь не будет!

– Ты так говоришь каждую неделю, – фыркнула подруга.

Потом крикнула, высунувшись на террасу:

– Давид, я что-то не нахожу штопора!

– Он в ящике, на месте.

– Если бы он был на месте, я бы тебя не спрашивала, где он, – сухо возразила она.

– У вас что-то сегодня нет привычного спокойствия, – шепнула Тифэн.

– И не говори, – вздохнула Летиция, даже не пытаясь скрыть раздражение.

Потом снова крикнула на террасу:

– Давид, если хочешь красного вина, шевелись! Я не могу найти штопор.

Давид с недовольным видом вошел на кухню и порылся в ящике, но тоже безуспешно.

– Наверняка Мило опять с ним играл!

– Давайте без паники, – вмешалась Тифэн.

Высунувшись в окно, которое выходило в сад, она позвала мужа:

– Сильвэн, можешь сходить к нам и принести наш штопор?

– А почему ты сама не можешь?

– Сильвэн!

Сильвэн нехотя встал, порылся в карманах куртки, достал ключи и направился к выходу. Женщины переглянулись с заговорщицким и недовольным видом и отнесли остатки аперитива на террасу.

Когда Сильвэн вернулся, Давид откупорил бутылку и налил вина себе, потом Тифэн, и все чокнулись: Летиция анисовым ликером, Сильвэн портвейном. И только тогда атмосфера разрядилась, и все стали обмениваться шутками, позабыв об обедах.

– А где мальчишки? – спросила вдруг Летиция, вспомнив, что им уже давно никто не мешал и не встречал в разговор.

– А вон они, в саду.

Тифэн проследила взглядом за рукой Давида. Мальчишки возились возле живой изгороди, разделявшей оба сада.

– Что они там сооружают?

– Тайный ход, – пояснил Давид. – Вчера вечером Мило мне сообщил, что они хотят проделать проход в изгороди, чтобы можно было напрямую ходить из сада в сад.

– Моя изгородь! – простонала Летиция.

– Твоя изгородь... Она такая же наша, как и ваша, – поддела ее Тифэн.

С бокалами в руках все четверо взрослых спустились в сад, чтобы удостовериться, что работы начались.

Дойдя до мальчишек, они обменялись краткими замечаниями:

– Может быть, это не самое лучшее место для того, чтобы проделать дыру...

– Наоборот! Если они хотят попортить изгородь, то место самое подходящее: здесь, с краю, мало что будет заметно.

- Такими темпами, ребята, вы будете возиться до зимы!
- Смотри! – крикнул Максим. – Уже можно пролезть!

И, чтобы доказать свою правоту, он энергично полез в отверстие в изгороди, которое они с Мило уже расчистили, и, извиваясь изо всех сил, стал туда протискиваться. Но отверстие, судя по всему, пока было слишком узким.

- Хватит, Максим! – крикнула Тифэн. – Ты совсем испортишь изгородь Летиции!
- Она и твоя тоже, – съязвила Летиция, повторяя шпильку подруги.
- Да, но вход с твоей стороны!
- Однако идея сама по себе неплоха, – задумчиво произнес Сильвэн.
- Что?
- Ну, идея проделать проход, чтобы можно было напрямую попадать из сада в сад.

Соображение Сильвэна было принято задумчивым молчанием, что позволило ему уточнить свою мысль:

– Мы могли бы оборудовать нормальный проход. Все равно ведь постоянно за чем-нибудь забегаем друг к другу. Например, за штопором, который потерялся. Пройти напрямую гораздо практичнее, чем топать в обход по улице...

Все усталились на изгородь, и каждый прикидывал свою версию прохода в соседний сад. Летиция представляла простую белую загородку вроде шлагбаума, которую было достаточно толкнуть. Тифэн уже видела настоящую калитку, опоясанную каменной кладкой, по которой вполне можно пустить какое-нибудь вьющееся растение, а сверху соорудить маленькую крышу из красной черепицы. Сильвэну виделась кованая железная решетка. Что же до Давида, то он ничего себе не представил, потому что не был уверен, что идея ему нравится.

– Тут есть небольшая загвоздка: я не уверена, что с этим будет согласна мадам Кустенобль, – заметила Тифэн, к большому облегчению Давида, который не стал портить веселье.

Мадам Кустенобль была хозяйкой дома, который снимали Тифэн и Сильвэн. Вдова некоего Жильбера, о кончине которого не очень-то и сожалела, она была типичной доброжелательной домовладелицей, и ее толерантность и понимание ограничивались возможностью ее статуса. Эта маленькая, сухонькая шестидесятилетняя женщина была, в общем, спокойна и сдержанна, но крайне подозрительно относилась к любым переменам, касавшимся ее добра, даже если эти перемены явно шли ему на пользу. Архитектор по профессии, Сильвэн не раз предлагал ей изменить планировку неудачно расположенных комнат, причем не только ради собственного удобства, но и для того, чтобы повысить цену дома. Но она всегда отказывалась. Имя мадам Кустенобль отбрасывало недобрую тень на мечты семьи Женьо о благоустройстве своего жилья всякий раз, когда они выражали желание как-то приспособить его к своим вкусам. С Брюнелями все было иначе: они являлись собственниками. Это различие в положении обеих пар было постоянным источником шуток и дружеского подтрунивания. С финансовой точки зрения Тифэн и Сильвэн были гораздо свободнее, чем Давид и Летиция, чьи профессии – она социальный работник, а он шофер – позволяли им всего лишь сводить концы с концами без особых проблем к концу месяца. Сильвэн и Тифэн, хоть в золоте и не купались, имели куда большие доходы. Так-то оно так, но они были арендаторами, и это обстоятельство уравнивало их с соседями. Не то чтобы деньги были для них предметом хвастовства, однако если у Женьо отпуска были дольше, чем у Брюнелей, и они отдыхали всегда на солнышке, то их стремление к роскоши постоянно наталкивалось на чрезмерную осторожность мадам Кустенобль.

- Ничего не стоит у нее еще раз спросить, – не унимался Сильвэн.
- Да брось ты! – вздохнула Тифэн. – Можешь быть уверен, что эта старая карга откажет нам раньше, чем мы договорим наше предложение.
- Посмотрим... Если откажет – тем хуже, но ведь поговорить-то об этом можно!

Потом все четверо друзей, оставив детей за работой, снова уселись на террасе, обсуждая разные модели прохода, примерную цену работ и место, где он будет находиться. А Давид потихоньку молился, чтобы опасения Тифэн оказались не напрасны.

Глава 8

Летиция внесла шикарный шоколадный торт, украшенный четырьмя свечами, и запела песню-поздравление, которую сразу подхватили все приглашенные. Потом она поставила торт перед зардевшимся от удовольствия и гордости Мило. Малыш набрал в легкие побольше воздуха и сильно дунул на свечи. Раздались аплодисменты.

Кроме Максима, Тифэн и Сильвэна за столом сидели шестеро друзей именинника из детского сада, одни с мамами, другие с обоими родителями, не считая старших братьев и младших сестренек. В доме Брюнелей царил радостная атмосфера праздника. Поскольку гости сидели повсюду, Давид и Летиция не знали, в какую сторону броситься: надо было подать торт, напитки, при этом стараться ничего не разлить, «ложки во втором ящике на кухне», организовать игры для детей, поговорить с каждым из родителей: «О, так вы журналист? Как интересно! Еще чашечку кофе?»

Эрнест тоже явился поздравить крестника с днем рождения. Он подарил ему великолепную пару боксерских перчаток, которые когда-то принадлежали таинственному боксеру-профессионалу, чье имя не отмечено в истории спорта. Подарок сразу же вызвал восторг и зависть у маленьких друзей Мило и явное неодобрение у Летиции:

– Эрнест, но ведь боксерские перчатки не дарят четырехлетним детям!

– В самом деле? А почему?

Летиция уже собралась ответить, но ей помешали крики детей: Мило натянул перчатку на руку и испытал ее на одном из своих друзей.

– Вот почему! – сказала Летиция, бросившись на помощь горько плачущему мальчишке.

Малыша она утешила, а перчатку забрала. Мило запротестовал, Летиция на него крикнула, но некоторым мальчишкам очень захотелось завладеть перчатками. Дело пахло мятежом...

– А кто хочет поиграть в «музыкальные стулья»? – громко, чтобы все услышали, сказал Давид.

Мятежники в коротких штанишках отвлеклись от бунта и угодили в сети, расставленные Давидом. Десять секунд спустя ситуация вошла в норму, и Летиция принесла Эрнесту чашечку кофе.

* * *

Под конец праздника, когда за последним приглашенным закрылась дверь, Летиция, Давид, Тифэн и Сильвэн рухнули в кресла и на диваны в гостиной, раздавив по дороге кто кусок торта, кто конфету.

– В следующий раз справлять свой день рождения он будет в двадцать лет и сам его организует! – простонала Летиция, оглядывая неописуемый кавардак, царивший в комнате.

– Ты еще не видела комнату Мило, – пробормотал Давид, массируя себе затылок.

– Хочешь, мы заберем к себе Мило до завтра? – предложила Тифэн. – Тогда вы сможете навести порядок, и он не будет путаться у вас под ногами.

– Можете забрать его хоть на неделю! У меня теперь долго будет аллергия на мелких мальчишек.

Все расхохотались и принялись обсуждать праздник. «С ума сойти, до чего Грегуар похож на отца, ну просто клон!» – «А вот мать Фермена больно строгая, с ней, наверное, нелегко». «Фермен, это кто? Ах да, такой белобрысенький, он еще немного косит...»

Сильвэн вдруг вскочил с кресла:

– Со всей этой суетой я совсем забыл сообщить вам приятную новость! Мадам Кустенобль согласна на проход в изгороди!

Собрав последние силы, Летиция радостно улыбнулась. Все заговорили о калитке. Летиция снова упомянула свою идею о маленьком белом шлагбауме, как в полях на границах участков. Чем проще, тем лучше... Железная решетка? Тоже неплохая идея. Но это ведь будет дороже?

– О цене работ не беспокойтесь, я сам этим займусь, – заметил Сильвэн.

– А сколько может стоить железная решетка с установкой?

– Ну... она же не будет слишком большой... Наверное, надо рассчитывать примерно на тысячу евро.

– Тысяча евро! – вскричала Летиция. – У нас нет таких денег!

– Но мы же платим пополам, – уточнила Тифэн.

– Все равно дорого...

– А ты что об этом думаешь, Давид? – спросил Сильвэн.

На лице Давида появилась еле заметная смущенная гримаса, он вздохнул и кинулся в разговор, как в темную воду.

– Я не уверен, что это хорошая идея, – заявил он очень серьезно, что не вязалось с игривой легкостью беседы.

– А именно?

– Этот лаз из одного сада в другой.

– А почему ты считаешь это плохой идеей?

– Наша дружба тем и сильна, что каждый живет на своей территории. Никто не ходит по чужим грядкам и не делает никаких набегов. Когда к вам в дверь звонят, вы можете не открывать, если не хотите. То же самое и мы. И это очень хорошо.

– Если вы звонили к нам в дверь, мы никогда не делали вид, что нас нет дома, только потому, что просто не хотели вас видеть, – медленно и смущенно заметил Сильвэн.

– И мы тоже! – решительно отозвалась Летиция извиняющимся тоном.

– Так что же теперь?

– Да, неудачный пример, – вздохнул Давид. – Это-то само собой.

От его недомолвок повеяло холодком, и на несколько секунд Летиция, Тифэн и Сильвэн замерли, глядя на него с удивлением и непониманием.

– И ты только сейчас об этом говоришь? – спросила Летиция, для которой такое мнение мужа было новостью.

– Не вижу, каким образом калитка между нашими садами сможет что-нибудь изменить, – разочарованно вставила Тифэн.

– В теории, конечно, ничего особенного. А вот фактически... Все будут стараться пройти сквозь изгородь, потому что так проще.

Этот аргумент подтвердил для остальных троих, что дебаты по поводу цены и модели железной решетки закрыты. Снова воцарилось неловкое, разочарованное молчание. Сильвэн его нарушил, попытавшись разрядить атмосферу шуткой:

– Скажи лучше, что вы с Летицией любите потреться, лежа на диванчике, а учитывая, что окна выходят в сад...

– И это тоже, – ответил Давид с очень серьезным видом.

– Это уважительная причина, – заметил Сильвэн, подмигнув Летиции.

Тифэн, которая без сил распласталась на диване, вдруг встала и пошла приготовить себе кофе.

– Ладно, – с сожалением сдалась она. – Но мог бы сказать об этом и раньше, чем мы потратили столько времени на уговоры мадам Кустенобль.

Она взяла стул, подвинула его поближе к друзьям и села.

Давид покачал головой:

– Извини. На вид ты была так уверена в отказе мадам Кустенобль, что я не захотел портить праздник.

Все на короткий момент замолчали, и чувствовалось, что Тифэн все-таки собирается убедить Давида... Но она обреченно улыбнулась и пожала плечами:

– Тем хуже!

Медицинская карта

4–5 лет

Ваш ребенок уже начал одеваться сам?

Да, но я немного помогаю.

Речь вашего ребенка понятна тому, кто его не знает?

Он выражается очень ясно и много говорит!

Принимает ли ваш ребенок участие в занятиях группы?

В зависимости от настроения... Мне кажется, ему не нравятся занятия по психомоторике. Зато он обожает игры-конструкторы, рисование и пение.

Отметки врача:

Вес: 18 кг 300 г. Рост: 110 см.

Герпетическая (дифтерийная) ангина, температура 39,6.

Антибиотик «Аугментин», по 5 мл 3 раза в день во время еды в течение недели.

5 мл «Юнифена» в случае температуры выше 38,5.

В левом ухе серная пробка.

Глава 9

Осень в том году выдалась длинная и серая. Едва наступил октябрь, как были прибраны все террасы, сложены и убраны все шезлонги и садовые стулья, а столы накрыты брезентом. Скверная погода окончательно погребла под собой историю с изгородью. Все, как и раньше, звонили в дверь, чтобы войти к соседям.

Однажды во вторник вечером Давид, сидя в своем такси, дочитывал газету. Машину он поставил напротив вокзала, надеясь, что парижский поезд в 14:09 привезет ему клиентов. Спортивная страница закончилась, и он сложил газету, сунув ее в бардачок. Потом, взглянув на часы, он сосредоточил внимание на главном входе, откуда уже начал выходить поток пассажиров. К автобусной остановке очень неуверенно подходили две женщины, видимо мать и дочь. Двое парней напрямик направились к машине, стоявшей как раз напротив такси Давида. Какая-то дама лет пятидесяти неспешно шла по тротуару, на ходу закуривая сигарету. Сделав глубокую затяжку, она с наслаждением выпустила дым, огляделась по сторонам и стала ждать. Давид решил дожидаться, пока кончится сигарета, а потом предложить даме свои услуги, если не появится еще кто-нибудь. Он так и не узнал, пришел кто-нибудь ее встретить или нет, потому что буквально через несколько секунд какой-то человек открыл заднюю дверцу и сел в машину.

– Рю Эдмон-Пети, – сразу назвал он адрес.

Давид кивнул, включил счетчик и тронулся с места. Он хорошо знал эту улицу: на ней и жил. Поэтому остерегся сообщать об этом пассажиру, чтобы не спровоцировать лишних разговоров.

С пассажирами Давид был немногословен. Его раздражала досужая болтовня, затеянная только для того, чтобы не молчать. Он не видел смысла завязывать знакомство с совершенно незнакомыми людьми, которые скоро выйдут из такси. А главное, ему никто не платил за то, чтобы он развлекал пассажиров.

Зато Давиду нравилось изучать лица людей, сидящих на заднем сиденье. Не сводя глаз с руля, он умудрялся быстро скользнуть взглядом направо и в зеркале заднего вида разглядеть лицо клиента, его выражение, его любопытную или благодушную манеру разглядывать все вокруг. Он наблюдал и слышал, как они говорили по телефону, причем безо всякого стыда касаясь не только профессиональных тем, но и личных, словно его, Давида, и не существовало. И его всегда поражало, до какой степени большинство людей уверено, что у шоферов такси нет ни ушей, ни собственного мнения. Для них шофер представлял собой существо, у которого есть только глаза, чтобы следить за дорогой, руки, чтобы держать руль, и ноги, чтобы трогаться с места, прибавлять скорость или тормозить.

У Давида был просто дар следить за пассажирами без их ведома. Вглядываясь в их отражение, он всегда безошибочно знал, когда они почувствуют, что за ними наблюдают, и тоже посмотрят в маленькое прямоугольное зеркало. Но за какую-то долю секунды до того, как их глаза отразятся в зеркале, Давид успевал отвести свои и снова принимался внимательно смотреть на дорогу. Самые подозрительные по нескольку раз пытались выяснить, смотрит он на них или нет, но он всегда оказывался проворнее. Он с точностью до микросекунды чувствовал, когда клиент сморгнет перед тем, как посмотреть в зеркало. И в следующий миг уже спокойно вел машину как ни в чем не бывало.

Севший к нему пассажир тоже не избежал законного любопытства водителя. Это был его ровесник, лет тридцати пяти, он великолепно держался, на нем хорошо сидел шикарный, прекрасно сшитый костюм. Чувствовалось, что он состоятелен и уверен в себе. Кроме того, он был красив, хотя на лице с четкими чертами и лежал отпечаток долгого и тяжелого труда: бледная кожа, синяки под глазами, впалые щеки. На первый взгляд казалось, что он от кого-то

убегает: постоянно вертел головой то налево, то направо и внимательно всматривался в улицы, словно хотел запомнить дорогу. Он явно нервничал и торопился. Разве что... Впрочем, ничего.

Закончив изучение пассажира, Давид перенес все внимание на дорогу.

– Мы на месте, – сообщил он, сворачивая направо, на Рю Эдмон-Пети.

– Дом двадцать шесть, – уточнил клиент.

Странно... В доме 26 жили Сильвэн и Тифэн. Давид задержал взгляд на лице пассажира. Интересно, кому из его друзей он собирался нанести визит? Можно поспорить, что Сильвэну. К нему как к архитектору постоянно приезжали заказчики или коллеги из столицы.

Он чуть не рассказал клиенту, что хорошо знает Сильвэна Женью, более того, Сильвэн его близкий друг, а сам он живет в соседнем доме. Очень уж странным было совпадение, ну, по крайней мере, забавным... И он воздержался от разговора. Зачем, кому это интересно?

Давид остановил свое такси прямо напротив двери семьи Женью. Он назвал цену поездки, положил в карман деньги и подождал, пока клиент выйдет из машины. Несколько секунд он боролся с соблазном зайти домой и выпить чашечку кофе. Потом посмотрел на бортовое табло и решил перенести перерыв на другое время.

Трогаясь с места, он в зеркале увидел, как пассажир звонит в дверь Тифэн и Сильвэна.

Глава 10

Давид не стал рассказывать Сильвэну, что, сам того не ведая, привез ему гостя. Ну, по крайней мере, сразу не стал. Не то чтобы хотел рассказать потом, как анекдот, не то чтобы забыл... Просто случай не представился в этот день с ним поговорить, вот и все. Впрочем, он увидится с Сильвэном только в будущую пятницу в час аперитива.

Но на следующий день, читая газету, он почувствовал что-то нехорошее, какую-то тревогу.

* * *

Когда он стоял напротив вокзала, поджидая случайных пассажиров, Давид просматривал спортивные страницы, и его внимание привлекло одно фото. Он взгляделся в лицо человека на фотографии и с удивлением узнал пассажира, которого подвозил в прошлый вторник и высадил напротив двери друзей. Но его смутила не сама фотография, а подпись под ней. Парижский врач общей практики Стефан Лежандр, страдавший раком поджелудочной железы четвертой степени и уже приговоренный, в среду утром обнаружен мертвым у себя в консультационном кабинете. В руке у него был зажат шприц с цианидом. Версия преступления была сразу отмечена, поскольку на месте происшествия не обнаружили никаких следов взлома или насилия и в доме ничего не пропало. Полиция не нашла ни одного подозрительного отпечатка пальца. И следователи отдали предпочтение версии самоубийства, вызванного давней и неизлечимой болезнью.

По всей видимости, человек сам сделал такой выбор, чтобы избежать той долгой и мучительной агонии, которая его ожидала.

В статье приводилось свидетельство секретарши. Она не знала о болезни патрона, но в последнее время замечала, что тот чем-то угнетен и подавлен. Контактируя с ним только по профессиональным делам, бедная женщина даже на миг представить себе не могла, что он до такой степени сражен болезнью и решил положить конец своей жизни. Как она себя упрекала!

Стефан Лежандр, парижский врач общей практики.

В памяти Давида всплыл откровенный рассказ Сильвэна об обстоятельствах, при которых он познакомился с Тифэн. Лучший друг, считавший себя настолько выше других, что отказался взять на себя ответственность за собственные ошибки. Это он. Он придумал историю с выкидышем. Это он сделал так, что Тифэн обвинили в том, чего она не совершала. Тут никаких сомнений.

Давид задумчиво отложил газету, а внутри у него звучали слова, которые тогда произнес Сильвэн:

«Судьба каждого из нас в руках другого. Он может разрушить мою жизнь, я могу уничтожить его жизнь. Теперь мы стали роком друг для друга».

Порывшись в памяти, Давид попытался вспомнить все подробности поведения своего позавчерашнего пассажира, призвав на помощь всю свою наблюдательность... Тот человек действительно показался ему встревоженным, мрачным и замкнутым, а то, что он поначалу принял за сильную усталость, оказалось признаками тяжелого недуга...

– Проспект Виктора Гюго, пожалуйста, – сказала молодая женщина, усаживаясь на заднее сиденье.

Хлопнувшая дверца отвлекла Давида от всех мыслей. Он вежливо кивнул, включил счетчик и тронулся с места.

* * *

На следующий день, как и всегда по пятницам, четверо друзей встретились за аперитивом. Эту еженедельную встречу уже никто никому не назначал, она сама собой разумелась, и друзья так и окрестили ее: «пятничный аперитив». В конце недели можно было расслабиться. Мило и Максим получали право смотреть телевизор дольше, чем обычно, и это великодушное разрешение родители давали, чтобы мальчишки не путались под ногами и не мешали. Это всех устраивало, и каждый наслаждался заслуженным отдыхом.

С того момента, как Давид прочел статью в газете, прошли сутки, и острота удивления смягчилась. Сначала он решил не вмешиваться в дела, которые его не касаются, но любопытство оказалось сильнее его. Улучив момент, когда Тифэн и Летиция болтали на кухне, он отвел друга в сторонку.

– Я обещал тебе больше не касаться этой темы, – сразу тихо начал он, – но в прошлый вторник твой приятель-врач сел ко мне в такси, и я довез его к твоему дому.

– Ты о чем? – спросил Сильвэн, удивленно глядя на Давида.

Похоже было, что он ничего не понял из того, что ему сказал друг. Не заставляя себя просить, Давид пояснил:

– Стефан Лежандр, твой старый приятель, тот самый...

Услышав это имя, Сильвэн побледнел. Он в панике быстро замахал руками, заставляя друга замолчать, и покосился в сторону кухни.

– Все в порядке, она ничего не слышит, – шепнул Давид.

Удостоверившись, что действительно все в порядке, Сильвэн сосредоточил все свое внимание на друге.

– Что Стефан Лежандр? – нервно переспросил он.

– Это я подвез его во вторник к твоему дому.

– Черт побери, Давид! – нервничал Сильвэн. – И что ты хочешь этим сказать?

– Да ничего особенного! Просто... не могу делать вид, что ничего не знаю! Во вторник ко мне в такси сел пассажир, назвал твой адрес, и я его довез до твоего дома. А в среду утром его нашли мертвым в собственном кабинете.

– Что?!

Бледное лицо Сильвэна приобрело землистый оттенок. Он оперся на стол, который оказался ближе к нему, и в ужасе уставился на Давида.

– Это еще что за история? – еле слышно прошептал он.

Давид не стал скрывать удивления: по всей очевидности, он ничего не знал ни о визите своего давнего сообщника, ни о его неожиданной и ужасной смерти.

– Ты... ты разве не назначил ему во вторник встречу у тебя дома, около половины третьего?

– Во вторник? Я...

Сильвэн был слишком потрясен, чтобы хоть что-нибудь соображать. Разинув рот, он так и глядел на Давида сумасшедшими глазами, и чувствовалось, что его мозг сейчас взорвется от атаки целой эскадры мыслей. Не зная, что еще сказать, Давид молчал. Он ничем не мог помочь другу, а тот находился в каком-то странном ступоре, переводя глаза с одного предмета на другой.

Вдруг Сильвэн нахмурил брови:

– Во вторник после полудня меня не было дома! – сказал он бесцветным голосом.

Потом, обернувшись в сторону кухни, взгляделся в силуэт Тифэн, которая весело смеялась, и ее смех урывками долетал до них.

Давид понял причину ужаса Сильвэна и коротко спросил:

– А Тифэн?

Сильвэн с сомнением покачал головой:

– Понятия не имею.

Давид пожал плечами:

– Тогда я вижу только одно объяснение: зная, что обречен, твой старый друг приехал повидаться с тобой в последний раз. Может, чтобы попросить прощения. Облегчить свое сердце и уйти со спокойной душой. Однако, никого не найдя в доме, он вернулся и покончил с собой.

– Он совершил самоубийство?

– Это одна из версий следствия. Он ввел себе цианид.

Сильвэн поморщился от отвращения.

– Извини, – тихо сказал Давид. – Я думал, ты в курсе.

– Что у вас за вид! – воскликнула Летиция, входя в гостиную. – Милый, Тифэн предложила дать нам рассаду помидоров и разных салатов. Можно будет вместе с Мило оборудовать маленький огорожок в конце сада. Это приобщит его к живой природе. Не такая уж это и проблема!

Давид отреагировал молниеносно, понимая, что Сильвэну надо дать время, чтобы прийти в себя. Он шагнул к жене и широко улыбнулся:

– Блестящая идея! А потом заведем кур и кроликов и провозгласим независимость!

Увидев, что Тифэн тоже вошла в гостиную, он спросил у нее:

– Если не ошибаюсь, сейчас не сезон высаживать рассаду?

Она кивнула:

– Для помидоров сезон наступит не раньше марта следующего года. Но о семенах и рассаде надо позаботиться заранее. Что же касается салатов, то их можно высаживать в горшки уже в январе. А потом их останется только пересадить в грунт.

– Идет! – с энтузиазмом объявил Давид.

– Что это вы обсуждаете? – вступила в разговор Летиция, с любопытством взглянув на мужа.

– Да так, ничего особенного, а что?

– Никогда не думала, что идея завести огород тебя так увлечет...

– А при чем тут огород?

– Да ни при чем, – с деликатной улыбкой ответила Летиция.

Она быстро чмокнула мужа в губы и обернулась к Сильвэну:

– Вы поужинаете с нами?

Сильвэн уже пришел в себя. Он принял приглашение с несколько наигранным энтузиазмом, и Тифэн это уловила:

– Ты хочешь вернуться домой?

– Вовсе нет! – запротестовал он с раздражением.

Тифэн подозрительно его оглядела:

– Что-то случилось?

Зная, что актер из него никакой, Сильвэн ухватился за первое, что пришло в голову:

– По-моему, у меня немного упало давление...

– Ах ты мой котик! – забеспокоилась Тифэн. – Ты слишком много работаешь, я это не раз тебе говорила. Сядь на диван, посиди спокойно, а мы с Летицией займемся готовкой.

– Давид, ты можешь оттащить мальчишек от телевизора? – взмолилась Летиция, обернувшись к мужу. – Они уже больше часа торчат перед экраном.

Если уж женщины получили наряд вне очереди на кухне, то почему бы мужчинам не дать разнарядку заняться детьми?

Давид кивнул в знак того, что согласен. Он дождался, пока женщины уйдут, и подсел на диван к Сильвэну:

– Ну, ты как?

Освободившись от присутствия Тифэн, тот не стал скрывать своих мучений:

– Это совсем не в его духе!

– Что не в его духе?

Погруженный в свои мысли, Сильвэн ответил не сразу. Потом поднял на Давида потрясенный взгляд:

– Явиться ко мне просить прощения перед тем, как совершить самоубийство... Должно быть, у него был другой резон повидаться со мной...

– Какой?

– Не знаю... Но явно не потребность пожелать мне добра.

* * *

В бассейне.

Тифэн и Летиция болтали, сидя на бортике бассейна, а Максим и Мило тем временем барахтались в «лягушатнике».

Пятилетний Мило вылез из бассейна и сразу снял с себя футболку.

Летиция удивилась:

– Эй, Мило, ты зачем снял футболку?

– Но ведь она же мокрая, мама!

Глава 11

– Перестаньте! – укоризненно сказала Летиция, входя в комнату Мило.

Она уже открыла рот, чтобы дать волю своему раздражению и попросить мальчишек хоть чуть поменьше шуметь.

– Вас слышно даже на кухне, пожалуйста, ребята, на тон ниже!

Открывшееся ей зрелище заставило ее онеметь. В этажерке не осталось ни одной игрушки. Абсолютно ни одной. Все ее содержимое плотным слоем покрывало ковер, так, что уже было не разобрать, какого он цвета. И все бы еще ничего, но Максима и Мило увлекла идея вытряхнуть все игры из коробок и смеху для свалить все в одну яркую и бесформенную кучу, в которой можно было различить кусочки разных пазлов, фишки лото, маленькие автомобили со всеми аксессуарами, «Микадо»⁵, деревянную дорогу, полностью демонтированную по такому случаю, фломастеры и прочие цветные карандаши. Там же валялись и элементы игр, которые Мило так любил, например, «Уно»⁶ или более классический «Морской бой»...

Оба мальчугана были застигнуты врасплох. Максим отвернулся от двери, но не оставляло никаких сомнений, что он сидит верхом на Мило, чтобы было удобнее разрисовывать физиономию своего юного друга фломастером, разумеется, несмываемым. Теперь у Мило появились длинные усы, очки модели семидесятых, густая борода, а главное – полосы, которые смутно напоминали шрамы.

Летиция оглядела комнату, похожую на стройплощадку, подошла к кровати, на которой устроились мальчишки, и полюбовалась новой внешностью сына, что дало Максиму время тоже повернуться к ней и продемонстрировать собственную физиономию, раскрашенную гораздо пестрее, чем у Мило – просто грим Мило был еще не завершен.

– Вы что, с ума сошли? – только и смогла она выговорить.

Оба залились веселым смехом.

– Ты видела, как это красиво, мама! – воскликнул Мило, выпрямляясь и давая матери полюбоваться его макияжем.

– Мило! Максим! Что вы делаете?

– Мы превращаемся в стариков, – не без гордости ответил Максим.

Летиция поняла, что полосы на лице ее сына – вовсе не шрамы, а морщины.

– Ну уж хватит! Максим, сейчас же отдай мне фломастер!

Она двинулась к кровати и чуть не вывихнула лодыжку на разбросанных игрушках, расчищая себе дорогу в этом бедламе. Добравшись до кровати, она сгребла в охапку сначала одного, потом другого и повернула обратно. Потом привела обоих в ванную и, не жалея воды, принялась с мылом оттирать фломастер с их лиц. Впрочем, его следы только чуть побледнели.

– Твоя мама меня убьет! – бормотала она, разглядывая мордаху Максима.

– Тебе не нравится? – спросил Мило, глядя на мать со смесью любопытства и разочарования в глазах.

– Нет, не нравится! – вспыхнула Летиция. – Мне не нравится, когда вы занимаетесь ерундой, мне не нравится, когда вы устраиваете повсюду кавардак, мне не нравится, когда вы напоминаете двух чертенят! В конце-то концов, Мило! Что это вам взбрело в голову? Ты видел, во что превратилась комната? Если будете продолжать в том же духе, будете наказаны!

– А как наказаны? – поинтересовался Максим.

Летиция на несколько секунд задумалась.

– Потом, когда вы станете взрослыми, у вас будут такие же хулиганистые дети.

⁵ «Микадо» – игра на аккуратное вытягивание палочек, приносящих разное количество очков, из общей кучи.

⁶ «Уно» – игра на наиболее выигрышный сброс розданных карточек, отличающихся цветами и номиналами.

– А откуда ты знаешь?

– А я, когда была маленькая, тоже делала много глупостей. И мама говорила мне, что, когда придет день и у меня будет такой же сорванец, вот тогда я пойму. И буду как следует наказана. И вот вам, пожалуйста, у меня появился несносный мальчишка.

– Нет, эта штука не пройдет, – убежденно заявил Мило.

– Вот как? И почему?

– А потому что, если я вырасту такой умный, чтобы не иметь своего сорванца, значит, и ты, получится, не наказана за глупости, которые наделала, когда была маленькая.

Летиция устало взглянула на сына, колеблясь между двумя решениями: ответить ему зло и хлестко или вообще прекратить разговор. Но желание быть злою у нее пропало. Сначала она выбрала первое решение и даже несколько секунд соображала, какой бы резкий аргумент привести, чтобы поставить на место этого желторотого. Но потом склонилась ко второму и даже включила мальчишкам мультфильм, чтобы не усугублять ситуацию.

* * *

– То есть в награду за то, что они перевернули комнату вверх дном, да еще разрисовали себе физиономии, ты разрешила им смотреть телевизор? – удивилась Тифэн, когда пришла за Максимом. – Оригинальный принцип воспитания!

– Что же мне, выдрать их было, что ли? – отбивалась Летиция. – Им ведь всего по пять лет... Это нормально, что они шалят...

– И нормально было бы наказать их за эти шалости, – сухо отрезала Тифэн. – У них здесь своя роль, у нас – своя.

Летиция вздохнула:

– Слушай, но это просто смешно, Тифэн! Что ты хочешь мне сказать? Что я плохо воспитываю сына?

Тифэн замаялась, а потом решила все высказать начистоту:

– Мне кажется, что вы не ставите им никаких ограничений. Всякий раз, как я оставляю у вас Максима, мальчишки что-нибудь да натворят. И всякий раз в ответ на их шалости ты разрешаешь им прилипнуть к телевизору.

– Я разрешила им, как ты выражаешься, «прилипнуть к телевизору», потому что через полчаса должна была прийти ты!

– И потом, я не знаю... Мне не пришлось бы в голову оставить их одних, без присмотра, в комнате Максима.

– Да что с ними такого случилось?

– А вот что! – парировала Тифэн, указав пальцем на лицо сына.

– Ах, это... Но ведь им не угрожала никакая опасность! Помоешь его хорошенько вечером, и инцидент будет исчерпан.

Тифэн с долгим, тяжелым вздохом опустила на стул и закурила.

– Прости меня. Просто меня сегодня довели до крайности.

– Что случилось? Кто тебя довел?

– Никто. Все. Работа. Мама. Сильвэн.

– Так... Пожалуй, начни сначала.

– Неохота об этом говорить. Сваришь мне кофейку?

Летиция встала, достала из шкафа две чашки и поставила их в кофеварку, нажав кнопку «эспрессо». Потом приоткрыла окно, чтобы проветрить комнату. Поняв намек, Тифэн покоилась на нее, но сигарету не погасила.

– Что-то ты очень нервничаешь, – заметила Летиция, ставя на стол две чашки кофе.

– Я устала. Надо передохнуть.

– Вы куда-нибудь поедете в этом году?

Тифэн возвела глаза к небу:

– Родители Сильвэна настаивают, чтобы мы приехали к ним в Нормандию.

– Ну и?..

– Ты так говоришь, как будто эта перспектива меня вдохновляет!

– По-моему, Сильвэн не поклонник семейного отдыха...

– Его отец не очень хорошо себя чувствует, и он готов согласиться. Говорит, что этот год может стать последним...

– Ну, если тебя это так тяготит, почему бы ему не поехать к родителям на несколько дней вместе с Максимом? А потом вы вдвоем отправитесь в настоящий отпуск. И все будут довольны.

Тифэн насмешливо рассмеялась:

– Несчастливая! Ты не представляешь себе, что начнется, если я не поеду с ними. Потом еще лет десять об этом будут вспоминать! Сильвэн объявил, что если я не поеду этим летом к его родителям в Нормандию, то он не видит причины, почему он должен ехать к моим на Рождество. А поскольку в прошлом году мы праздновали Рождество с его родителями, то, если я не приеду к маме в этом году, она доведет меня до поноса на нервной почве. Короче, меня загнали в угол.

Тифэн пожалла плечами и уставилась в чашку, словно надеялась найти там выход из этого угла.

– Проблема еще в том, – прибавила она, – что Сильвэн не любит свое семейство. Даже когда он был маленьким, там не все шло гладко в отношениях между родителями, его братом и сестрой. С годами семья стала в его глазах средоточием ругани и ссор. Ты не представляешь себе, какая возникает атмосфера, когда они собираются все вместе. Они без конца в чем-то друг друга обвиняют и ругаются по любому поводу. У них нет ни согласия, ни родственной близости, ни симпатии – ничего! Одно сплошное напряжение. Как я это ненавижу!

– А ты ему об этом говорила?

– Да не в этом дело.

– Но тогда в чем?

– Сильвэн поддерживает те же конфликтные и скверные отношения с моей родней, под тем предлогом, что это моя родня. Он не способен смириться с тем, что мы прекрасно ладим друг с другом и что мне доставляет удовольствие находиться среди них.

– Не понимаю.

– Сильвэн не выносит мою мать, отца и брата. И не потому, что они друг друга не понимают... Ну, ладно, допустим, они друг друга не понимают, но единственно, когда это касается членов его семьи. Я убеждена, что, познакомься они вне этого заколдованного круга, они бы подружились.

Она задумалась над тем, что только что сказала, и поправились:

– В любом случае хотя бы не стали друг друга ненавидеть.

Летиция согласно покачала головой. А Тифэн продолжала:

– Я уже начинаю думать, что он ревнует к согласию у нас в семье, к тому, что мы друг за друга горой: наши родители и мы с братом. И бессознательно обижается на меня. Наверное, он считает, что если у него не складывается с его родней, то и я не имею права быть счастливой со своей. А меня это раздражает! Я ведь обычно так рада видеть их, побыть с ними, поговорить, поделиться... А теперь, когда они нас приглашают, я все время должна занимать оборонительную позицию, потому что знаю, Сильвэну будет там скучно, и, на его взгляд, у них нас не ожидает ничего хорошего, даже мамина кухня, папины разговоры или суждения брата. И конечно, он не постесняется дать им это понять! Я заранее знаю, что все, что они скажут или сделают, по возвращении будет поставлено мне в упрек. И остановить это невозможно, ему нужно всем

наговорить гадостей и испортить настроение. Он портит мне все удовольствие. Я стала избегать видаться со своими так часто, как мне бы хотелось, и начала сердиться на Сильвэна.

Тифэн вздохнула и проворчала:

– Ты своего счастья не понимаешь! В том, что касается родни, у тебя полный покой!

Эта фраза была сказана без всякого злого умысла, но Летиция застыла на месте, а потом повернула к подруге побледневшее лицо. Та вдруг поняла – слишком поздно – чудовищность того, что только что сморозила.

– Прости! – вскрикнула она. – Прости меня, моя дорогая, прости, прости, прости. Я брякнула, не подумав, я паршивка, меня надо высечь прямо здесь...

Летиция стояла, окаменев, и в ее взгляде перемешались страдание и непонимание...

– Не смотри на меня так! – взмолилась подруга. – Я сказала, не подумав, просто вырвалось, и все...

Летиция была слишком потрясена, чтобы что-то выговорить. Она подошла к раковине, оперлась на нее и повернулась спиной к Тифэн.

Потом тихо, сквозь зубы, проговорила:

– Оставь меня, пожалуйста.

– Прости?

– Забери Максима, и ступайте домой, – повторила Летиция тем же голосом.

Тифэн встала с места и подошла к ней. Оказавшись совсем рядом, она схватила подругу за плечи и мягко развернула к себе. Лицо Летиции было залито слезами.

– Если бы ты знала, как мне их не хватает! – прошептала она сквозь рыдания.

Обомлевшая Тифэн прижала ее к себе, не переставая просить прощения.

– Ты не понимаешь, что такое чувствовать себя совсем одной на целом свете! – всхлипывая, продолжала Летиция. – Без семьи, без поддержки, когда некому тебе помочь, некому разделить с тобой радость, сомнения и все испытания, которые сыплются на тебя. Когда я думаю о родных, сердце мне словно сжимает железный кулак... Они не успели познакомиться с Давидом, не увидели внука... А как бы они их любили!

– Я знаю, я знаю, – повторяла Тифэн, все равно думая, что, если бы родители Летиции были сейчас живы, у них наверняка возникло бы и непонимание, и разногласия, как и в любой семье.

А может, даже больше. Слушая Летицию, Тифэн вовсе не была уверена, что Давид пришелся бы по вкусу ее родителям: побывавший в тюрьме наркоман, занесенный в криминальную картотеку, без профессионального образования, он был далек от того идеального образа, который требовался, чтобы составить счастье в католической супружеской паре. На самом деле чем больше она об этом думала, тем больше убеждалась, что, если бы родители Летиции были живы, они никогда не согласились бы, чтобы Давид хотя бы посмотрел на их дочь.

Допустив оплошность, Тифэн только укрепила в своем мнении.

– Мы были бы так счастливы, – заключила Летиция, вытирая слезы бумажным платочком, протянутым подругой.

Та задумчиво покачала головой. Потом, в последнем порыве утешить Летицию, заявила:

– Вы счастливы! Это единственное, что важно! Вы с Давидом любите друг друга, у вас чудесный малыш, красивый дом... И потом, ведь у вас есть мы: Сильвэн, Максим и я! Мы тоже немножко ваша семья. Ты всегда можешь на нас рассчитывать, как на кровную родню.

Летиция подняла на подругу полные признательности глаза, и они прижались друг к другу.

Глава 12

Дружба – такая сила, без которой вряд ли кто может обойтись. Нам необходимы друзья, как необходима еда, питье или сон. Дружба – пища души, она оживляет сердце, поддерживает дух, наполняет нас радостью, надеждой и покоем. Она – наше жизненное богатство, залог нашего счастья.

В следующую пятницу, во время аперитива, когда все наслаждались предвкушением выходных, Летицию вдруг охватило какое-то необъяснимое чувство. Так бывает, когда, сам не ведая почему, открываешь для себя, что каждый момент бесценен. Просто-напросто все на свете так здорово... Тифэн пошла позвать мальчишек, игравших наверху, в комнате Мило. Для них уже был готов обед, и на столе стояли две тарелки с традиционными спагетти с ветчиной и сыром, которые они обожали, потому что там не было овощей. Значит, обед пройдет без протестов и угроз. Давид и Сильвэн посасывали вино в гостиной и болтали, по обыкновению подтрунивая друг над другом и над Тифэн.

Наконец, после третьей попытки их дозваться, мальчишки весело скатились вниз, в столовую, пересмеиваясь на ходу.

– Что это вас так насмешило? – полюбопытствовала Тифэн.

В ответ на этот простой вопрос Максим и Мило еще больше расшалились: им все казалось просто уморительным, и они помирали со смеху, захваченные чисто детским чувством соучастия и общего веселья. Они не могли остановиться и поминутно прыскали и фыркали, и каждый взгляд друг на друга вызывал взрыв веселого хохота. Отцов тоже захлестнуло это безудержное веселье, и они тоже принялись расспрашивать. Напрасный труд: мальчишки так разошлись, что уже не могли выговорить ни слова.

– Вот дурачки! – сказал Сильвэн и тоже расхохотался.

На них действительно было очень забавно смотреть. Взрывы хохота сыпались каскадами, без передышки, и взрослые, хоть и не понимали, в чем дело, тоже начали улыбаться, потом фыркать, а потом просто пополам согнулись от смеха.

А дети, увидев, что взрослые смеются вместе с ними, просто лопались со смеху.

Летицию захлестнуло ощущение счастья, и самое главное – счастья вполне осознанного. Ну и что, что у них с Давидом не осталось родни, что судьба их не пощадила? Разве их семья не сидит сейчас перед ними, не разделяет с ними общее веселье, вспыхнувшее просто так, из ничего? Им придает силу уже само по себе то, что они вместе. И с ними дети, объединенные детской беззаботностью и все той же искрой сопричастности. Мило был счастлив, и от взгляда на эту детскую радость у Летиции на глаза навернулись слезы. Все восприняли их как результат сумасшедшего смеха. По какому же праву она жаловалась на одиночество? Вон, у Тифэн и Сильвэна есть семьи, но они, похоже, никакой радости от этого не испытывают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.